

ВСПОМИНАЯ СЛУЖБУ | О некоторых «секретах» строевой науки

ГЕОРГИЙ ЯКИМЕНКО,
ветеран Магнитогорского металлургического
комбината

Какая может быть у шага романтика? А между тем, одной лишь достойной строевой выучкой армия может завоевать авторитет и вызвать восхищение. Невозможно взгляд оторвать от шага чеканного подтянутых, статных молодцев в военной форме.

Многим ли лично доводилось видеть, как парадной поступью проходит солдатский строй? Думаю, не каждому. В особенности, если шаг этот ещё и доподлинно парадный. Большинству простых смертных закрыт доступ на трибуны почётных гостей по большим государственным торжествам. А если вам ещё и посчастливится услышать, как, чеканя шаг, строй этот дружно грянет песней строевой, сначала звонкими запевалами, затем строем подхваченной — мир замирает, дух захватывает!

Простите за нескромность, я это к тому, что и мне когда-то, при срочной службе, довелось побыть одним из участников первомайского военного парада на главной площади города Чкалова, ныне Оренбурга... «Парадник», назовём его так, втайне чувствует, и небезосновательно, что это и есть единственный триумфальный момент, выпавший ему в жизни.

При чеканке шага строевого под взором тысяч, а теперь, с ТВ, и миллионов глаз, грудь марширующих наполняется гордостью и восторгом. Как это объединяет окружающих, порой даже совершенно случайно

Романтика шага чеканного

оказавшихся рядом, как завораживает, особенно девушек! А речь я веду про свою бывшую четвёртую роту первого батальона 273-го механизированного полка, дивизии «в.ч. 29416». В этой роте посчастливилось мне проходить «срочную» в Советской Армии в 50-х годах прошедшего столетия. Время действия — 1 мая 1954 года. «Коробка» только нашей роты, четвёртой, нашей воинской части — единственная из всех, участвовавших в параде, была отмечена высоким представительством трибуны, принимающей парад. И только в нашей роте каждый участник того парада получил тогда в личное дело от командующего округом благодарность. И это за один лишь чеканный шаг! И сегодня, спустя многие десятилетия, сослуживцы мои из этой самой роты при случае не преминут зайти в местный военкомат и попросить сотрудника РВК показать ему заветную запись в своём личном деле. А «конкуренты» на том параде на лучший чеканный шаг у нас были нешуточные. Достаточно вспомнить: в Чкалове в то время располагались два высших лётных училища, зенитно-артиллерийское, другие военные учебные заведения и воинские части. Даже было там известное суворовское училище.

Я не великий знаток строевой науки, но всё же поделюсь некоторыми её «секретами». В армейской строевой муштре имеется такое понятие, как учебно-строевой шаг. Это когда на тренировочной площадке отдельный шаг каждого участника предстоящего парада разделяется на четыре или даже на восемь отсчётов. И в таком замедленном темпе на полигоне строевики часами отрабатывают свой предстоящий парадный проход. Причём это делается по добровольному согласию будущих участников парада. Естественно, добровольность в армии дело относительное. Но будущие вымуштрованники всегда идут на это с желанием. Велико у всех служивых стремление самому побыть бравым молодцем на параде и хоть раз в жизни лично блеснуть в строю пред глазами всенародным. Служивые всегда идут на это, даже жертвуя ежедневной

потерей одного часа своего личного свободного времени. А его у солдата, как известно, не в избытке.

У службистов всех времён попасть в список «парадников» считалось большой честью. Лишиться же этого права — тяжёлое огорчение. Так было в бытность моей службы. Думается, так было и в суворовские времена. Надеюсь, так и в нынешней жизни армейской. При подготовке «парадников» за месяц до торжества на полигонах ежедневно отрабатывается всё: от собственно «шага» до «взгляда глаз» и изгиба колен, от внешней выправки до кончика носка каждого сапога солдатского. И это никого не изнуряло. Наоборот, увлекало. На тренировках у нас бывало даже так, что каждой восьмёркой (восьмёрка — шеренга из восьми человек) упомянутый «спецчас» занимался один из офицеров роты. Занятия с «парадниками» проводили только до начала солдатского «рабочего дня», до общего утреннего подъёма всей воинской части. И этот трудовой час другим отдыхом солдату, естественно, не компенсировался. Вознаграждением за нелёгкий труд участнику парада была лишь только его личная гордость за отлично выполненный воинский долг. О предстоящем триумфальном эффекте и о компенсации «славы» мы, естественно, не думали. Но это прекрасно знали опытные наши офицеры.

Подчеркну, они же были для нас и воспитателями и заботливыми наставниками. Многих до сих пор помню пофамильно. Почти все они только что с боями прошли Великую Отечественную. Это комбаты Салов и Бережной, комроты Вашкин, ротный замполит, бывлой комиссар на фронте капитан Щедринский. Было тогда от прошедшей Великой Отечественной время недалёкое. Нам, молодым солдатам, всегда казалось, что в амуниции этих офицеров ещё витает запах пороха, дух боёв недавних. Командиров своих мы безгранично уважали и любили. Каждый из нас старался быть похо-

жим на них во всём. Размышления наши сводились к твёрдому выводу: с такими военачальниками войны мы не могли проиграть. Кстати, о пресловутой дедовщине в армии никто в те годы понятия не имел. Её просто не было. Но вернёмся к параду.

Чеканя шаг в тот день под высокой трибуной, всё же мы уловили необычные взгляды высоких персон, что сошлись на нашей роте, на нашем вышколенном шаге. На обратном пути с парада, возвращаясь по улицам большого города в расположение своей части, мы поминутно сталкивались с аплодисментами. И рукоплескания эти шли от праздничных толп блистающего нарядом города. Вначале удивлялись, оглядывались, кому же принадлежат такие щедрые аплодисменты? И вдруг обнаружили — нам! Только нам! Можете представить наши чувства. Ведь мы не «шоумены». Только ради таких вот мгновений стоит жить на свете

и доблестно служить Родине, великой России, тогда — великому Советскому Союзу — СССР!

И заключительный штрих. Им наградили нас тот необыкновенный праздничный день. Помнится, привёл нас с парада в свой военный городок наш строгий комбат, всегда немногословный и предельно подтянутый майор Бережной. Развернув строй, он вдруг неожиданно, чего с ним никогда не бывало, ударился в лирику. Растрогавшись, заговорил о своём былом боевом пути. Затем, преобразившись, подавив волнение, сурово и громко произнёс: «Я в армии больше двадцати лет. Многого видел. Прошёл войну с боями, участвовал и в парадах, в том числе столичных. Но, на мой взгляд, этого никто лучше вас не делал!» Далее лицо его стало каменно-строгим и прозвучало громкое, знакомое: «Рота, смирно! От лица службы объявляю благодарность!» В ответ грянуло: «Служу Советскому Союзу!»

Прошёл год, но память о нашем постижении тонкостей науки строевой

не оставляла нас. Как видите, не оставила меня эта память и сегодня. Второй год службы. Мы уже «большие командиры» — младшие сержанты, командиры отделений. Мы рассредоточены по ротам нового призыва. Однако сердцем мы по-прежнему птенцы своей прежней четвёртой. В лесной лагерной жизни встречаемся теперь только в большой гарнизонной столовой. Мы уже в других полках и подразделениях. И вдруг однажды, узрев, что из нашей прежней четвёртой, из той самой знаковой парадной «коробки», в лесу этом, за обеденными столами солдатскими, добрых три четверти её набирается, възыграла в нас привитая нам на том памятном параде тяга к «романтике шага». К удаче, здесь же оказался и наш любимец, прежний наш ротный замполит Щедринский. Далее, как по сценарию. «Полковой» Богдан: «Даю добро, покажи, четвёртая, класс! Щедринский: «Четвёртая, становись!»

Из бескрайней перекуривающей массы солдатской вмиг стеклись ветераны «четвёрки». Оказалось — почти «коробка» — шестьдесят из шестидесяти четырёх. Оглядев построение, капитан зычно гикнул: «Рота, смирно! Прямо ша-а-а-гом марш!» С шумом вступенулась стая грачная. Звонким эхом лес отозвался на резкий отзвук шага нашего бывшего чеканного. Грянула и прежняя строевая: «...И для тебя, родная, есть почта полевая. Солдаты, в поход...»

Слава богу, сослуживцы, земляки мои из той роты четвёртой, ныне и в Магнитогорске именуются. Надеюсь, вспомнят они со мной счастливую пору нашей военной юности. К счастью, как и до призыва, сегодня рядом со мной, в родной Магнитке, и бывлой звонкий наш строевой запевала Борис Фалкон. «На ходу» и чеканившие со мной тот памятный шаг Юрий Солопаев и Виктор Титов. Привет вам, друзья, здоровья вам! А остальные! Остальные...? «Где же вы теперь, друзья-однополчане...» На службе, более 60 лет назад, было нам едва по двадцать...

